

УДК 81' 42

ББК 81.0

Н 59

Нечай Ю.П.

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета, e-mail: nechay_ur@mail.ru

Олейник М.А.

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета, e-mail: kubstunigerdep2@mail.ru

Языковые средства экспликации иронии в художественных текстах Э.М. Ремарка: лингвопрагматический аспект
(Рецензирована)

Аннотация:

На материале языка художественной прозы немецкого писателя Э.М. Ремарка и ее русских переводов рассматривается проблема отражения ассиметрии между формой и содержанием как случай неполного покрытия плана содержания планом выражения. Цель статьи заключается в раскрытии механизмов создания иронии и анализе языковых средств ее выражения в исследуемых текстах. При обработке текстового материала использована комплексная методика, включающая компонентный, контекстуальный и сопоставительный виды анализа. Выясняется, что ирония является содержательной концептуальной категорией художественного текста, позволяющей писателю передать эмоционально-оценочное отношение к отображаемой действительности. Научная и практическая значимость данной работы определяются ее новаторским характером, связанным с тем, что феномен иронии остается до настоящего момента пока еще малоизученным. Еще менее исследованным он представляется на материале художественных текстов Э.М. Ремарка. Делается вывод о том, что среди языковых средств, участвующих в выражении иронии в исследуемых художественных текстах, ведущая роль в создании имплицитных смыслов отводится лексико-семантическим средствам, возможности которых чрезвычайно разнообразны.

Ключевые слова:

Ирония, стилистический прием, прямое и переносное значение, иронический смысл, имплицитный, антропологический, когнитивная лингвистика.

Nechay Yu.P.

Doctor of Philology, Professor of the Department of German Philology, the Kuban State University, e-mail: nechay_ur@mail.ru

Oleynik M.A.

Doctor of Philology, Professor of the Department of German Philology, the Kuban State University, e-mail: kubstunigerdep2@mail.ru

Language means of an explication of irony in literary texts of E.M. Remarque: linguo-pragmatic aspect

Abstract:

The language of German writer E.M. Remarque's fictional prose and its Russian translations is explored to disclose the problem of reflecting asymmetry between form and content as the case of incomplete coverage of the content plane by the expression plane. The purpose of the article is to reveal the mechanisms of creating irony and provide the analysis of language means of its expression in the texts under study. When processing the text material a set of complex procedures that include componential, contextual and comparative analyses is used. It turns out that irony is a meaningful conceptual category of a literary text, which allows the writer to convey his emotional and evaluative attitude to the reality described. The scientific and practical significance of this work is defined by its innovative character which is explained by the fact that the phenomenon of irony is still not sufficiently explored. It is even less studied on the material of E.M. Remarque's fine literary texts. It is concluded that among the linguistic means used to express irony in the studied literary texts, the leading role in creation of implicit meanings belongs to lexico-semantic means, whose opportunities are extremely diverse.

Keywords:

Irony, stylistic device, direct and figurative meaning, ironic sense, implicit, anthropological, cognitive linguistics.

Ирония представляет собой одно из основных понятий культуры и имеет довольно продолжительную историю и множество толкований. Ее изучением занимались эстеты и философы разных эпох, тем не менее, лингвистическая и стилистическая сторона этого феномена осталась за рамками их внимания. Родиной иронии считается Древняя Греция, а в древнегреческом языке «иронизировать» означало «насмехаться», «говорить ложь», а «ироник» – это человек, «обманывающий с помощью слов». Затронув сущность данного явления, конечно же, мы не можем не обратиться к вопросу об этимологии самого термина «ирония». Например, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера просматривается целая цепочка заимствований этого термина через французский, немецкий из латинского от греческого «eironeia» [1].

На заимствование термина из древнегреческого языка посредством французского указывает и Л.Л. Крысин [2]. Значение его в древнегреческом языке представлено следующим образом: ирония – тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме, притворное самоуничижение, притворство в речи. В настоящее время во многих

работах отечественных лингвистов по стилистике, под влиянием узкого понимания иронии в эстетике и литературоведении, закрепилось понятие иронии как стилистического приема, основанного на противопоставлении прямых и переносных значений слова (т.е. на антифразисных отношениях) и ничем в ряду других экспрессивных средств (напр., как гипербола, литота, перефраз) не отличающегося [3;4].

В своей работе мы солидарны с И.Р. Гальпериным и склонны придерживаться следующего определения, которое, как нам кажется, раскрывает языковую природу иронии как стилистического приема: ирония – это стилистический прием, посредством которого в каком-либо слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости) [3], т.е. в контексте произведения актуализируется новое значение слова, которое, полностью не подавляет его смысловое словарное наполнение, а воспринимается читателем вместе с ним, при этом его предметно-логическое значение дополняется еще и контекстуально-ироническим.

Из вышесказанного можно заключить, что феномен иронии остается до настоящего момента пока еще малоизученным. Еще менее исследованным представляется этот феномен на материале художественной прозы немецкого писателя Э.М. Ремарка, многочисленные романы которого получили, по мнению отечественных и зарубежных лингвистов, успех и всеобщее признание благодаря своеобразию языка и широкому использованию в нем средств разных языковых уровней.

Нельзя не отметить, что ирония тесно связана со смехом, который, с одной стороны, является признаком выражения жизнерадостности, душевного здоровья, и при этом – неотъемлемым звеном доброжелательного общения, но, с другой стороны, смех – это форма неприятия и осуждения человеком того, что его окружает, насмешка над чем-либо. Этой стороной ирония связана с комическим.

Явление иронии, как разновидность импликации и средства ее реализации в немецком и русском языках, становилось неоднократно объектом исследований в различных областях лингвистики. Наиболее емкое определение иронии, на наш взгляд, это – представление ее в виде одной из форм импликации, которая обычно рассматривается как отражение асимметрии между формой и содержанием или как случай неполного покрытия плана содержания планом выражения. Импликация получает лишь частичную словесную реализацию в тексте, которую практически можно развернуть, то есть эксплицировать, поскольку ее существование столь же реально, как и экспликация [5].

Иронии присуще, как известно, достаточно большое число оттенков: сарказм, издевка, печаль, бессилие, тихая угроза, беззлобное подшучивание. При этом следует заметить, что специфика как немецкого, так и русского языков, позволяет представить богатую реализацию иронических смыслов при взаимодействии элементов различных уровней,

например: *Zuerst erstaunt, dann erbittert und schließlich gleichgültig erkannten wir, daß nicht der Geist ausschlaggebend zu sein schien, sondern die Wicksbürste, nicht der Gedanke, sondern das System, nicht die Freiheit, sondern der Drill. Mit Begeisterung und gutem Willen waren wir Soldaten geworden; aber man tat alles, um uns das auszutreiben (Remarque. Im Westen nichts Neues).* – Мы убедились сначала с удивлением, затем с горечью и, наконец, с равнодушием в том, что здесь все решает, как видно, не разум, а сапожная щетка, не мысль, а заведенный некогда распорядок, не свобода, а муштра. Мы стали солдатами по доброй воле, из энтузиазма; но здесь делалось все, чтобы выбить из нас это чувство (Пер. Ю. Афонькина). В приведенном примере мы наблюдаем присутствие не только иронии, но и издевки, печали, бессилия и сарказма. Суровая безжалостная школа казармы, фронт, ежеминутная возможность погибнуть, полная беспомощность и неспособность разобраться в происшедшем – вот путь, который уготовила Германия того времени каждому вечерашнему школьнику.

В текстах романов Э.М. Ремарка иронический оттенок лексических единиц основан на сознательном нарушении функционирования универсального свойства словесного знака, двойственность которого в речи героев писатель устраняет с помощью контекста. От того, насколько глубоко будет понята и оценена читателем эта смысловая неоднозначность, зависит адекватное восприятие им иронической информации, заложенной в тексте, например: *Ein bißchen Motten- und Mückentanz um das letzte Lichtbelanglos wie jeder Mückentanz; töricht wie die leichte Musik von den Cafes her – eine überflüssig gewordene Welt, wie Schmetterlinge im Oktober, den Frost schon in den kleinen Sommerherzen, so tanzte, schwätzte, flirtete, liebte, betrog und gaukelte das noch ein wenig, bevor die Sensen und die großen Winde kamen (Remarque. Arc de Triomphe).* – Мо-

тыльки и мошки слетелись на последний огонек и пляшут... Суетливый танец мошкар, глупый, как легкая музыка, доносящаяся из баров и кафе. Крохотный мирок, отживший свое, как бабочки в октябре, чьи легкие крылышки уже прихватило морозом. Все это еще танцует, болтает, флиртует, любит, изменяет, фиглярствует, пока не налетит великий шквал и не зазвенит коса смерти... (Пер. Б. Кремнева и И. Шрайбера). Жизнь не жалует героев Э.М. Ремарка, поскольку они живут и любят в условном, абстрактном пространстве. Писателю удается тонко отобразить, что они во всем дети своего времени и отделить свою судьбу и свою любовь от совершающейся кругом трагедии, они просто не в состоянии. Попытка убежать от всего этого – заранее обречена на провал. *Маленький уютный покой на краю вулкана*, – иронизирует главный герой романа «Триумфальная арка» Равик. Именно поэтому он всюду чувствует себя на краю вулкана, отголоски надвигающейся грозы доносятся из газет и слышатся по радио. И призрачной кажется в этой атмосфере судорожная беззаботность курорта или аристократического бала-маскарада в предвоенном Париже. Из контекста ясно, что под словами *мотыльки*, *мошки* (литота) подразумевается аристократическое общество, последующие сравнения – метафора, аллегория и синекдоха – отражают авторскую оценку, эмоциональность которой воплощена в семантике с ярко выраженным отрицательным оттенком.

Для выражения скрытой насмешки Э.М. Ремарк использует часто такие лексемы, которые сами по себе не обладают иронической насыщенностью, например: *Doch Eduard ist nicht nur Poet, sondern scheint auch Gedankenleser zu sein. «Keinen Zweck zu warten,» sagt er. «Wir haben nie genug Gulasch und sind immer vorzeitig ausverkauft. Oder möchten Sie ein deutsches Beefsteak? Das können Sie hier an der Theke essen.» «Lieber tot» sage ich. «Wir werden Gulasch kriegen, und wenn wir dich selbst*

zerhacken müssen» (Remarque. Der schwarze Obelisk). – Все же Эдуард, как видно, не только поэт, он способен читать чужие мысли. – Ждать нет смысла, – заявляет он. – У нас гуляша никогда не хватает, его тут же весь разбирают. А может, вы желаете немецкий бифштекс? Вы можете его скушать, не отходя от стойки. – Лучше смерть, – отвечаю я. – Гуляш мы раздобудем, даже если бы тебя самого пришлось изрубить на кусочки (Пер. В. Станевич).

Для экспликации иронического смысла писатель оперирует в данном примере лексемами, которые сами по себе не наполнены таковым (*tot / мертвый* – здесь в значении – *смерть*, *warten / ожидать, ждать*, *Zweck / смысл*) и очень редко используются для таких целей.

Нельзя не отметить также наличие в текстах романов имен собственных, контекстуальное окружение которых способствует их восприятию как имен нарицательных. Такой прием позволяет наполнить контекст не только ироническими оттенками, но и оживить ассоциативные связи, например: *Ein Kellner kam heran. «Wollen die Herren keine Gesellschaft?» «Nein, sagte ich noch einmal.» /.../ «Was wollte er?» fragte Schwarz. «Uns verkuppeln mit der Enkelin Mata Haris. Sie müssen ihm zuviel Trinkgeld gegeben haben» (Remarque. Die Nacht von Lissabon).* – Подошел кельнер. – Могу предложить господам общество. – Нет сказал я еще раз. /.../ – Что он хотел? – спросил Шварц. – Сосватать нам внучку Мата Хари (Пер. Ю. Плашевского).

Чтобы расшифровать имплицитный смысл, вложенный в эту фразу, читатель должен обладать определенными экстралингвистическими знаниями. Мата Хари – немецкая разведчица эпохи первой мировой войны, которая была расстреляна в 1917 году по приговору французского суда. Актуализация ассоциаций, вызванная изречением *Uns verkuppeln mit der Enkelin Mata Haris / Сосватать нам внучку Мата Хари*, становится, основанием ок-

казиональных изменений объекта номинации, в результате чего имя собственное *Mama Haru* приобретает квалифактивно-характеристическую функцию, за которой стоит ирония автора.

Важнейшим языковым средством выражения иронии являются также образные отрицательные сравнения, используемые Э.М. Ремарком с целью достижения максимального эффекта. Они используются писателем, прежде всего, для представления психологического портрета персонажей, благодаря чему образы приобретают законченную характеристику. Для создания образов отрицательных персонажей он использует именно сравнения, актуализирующие авторскую иронию, например: *Aus dem Tor unseres Hauses tritt der pensionierte Feldwebel Knopf. Er ist ein dünner Mann mit einer Schirmmütze und einem Spazierstock, der, trotz seines Berufes und obschon er außer dem Exerzierregiment nie ein Buch gelesen hat, aussieht wie Nietzsche* (Remarque. Der schwarze Obelisk). – Из ворот нашего дома выходит фельдфебель-пенсционер Кнопф. Это худой человек в картузе и с тросточкой; несмотря на его профессию и на то, что он, кроме строевого устава, не прочел за всю жизнь ни одной книжки, он чем-то похож на Ницше (Пер. В. Станевич).

Лингвистическая ирония в языке художественных текстов романов Э.М. Ремарка построена также на гиперболе, то есть на тонком и сильном преувеличении. Гиперболизация иронических подтекстов писателя отражает глубинные структуры, «оязычивая» иронический смысл, например: *«Gut» der Wirt grinste «reingefallen, die Brüder! Wollen einen Schellfisch fangen und sind an einen Hai gekommen»* (Remarque. Liebe Deinen Nächsten). – Хорошо. – Хозяин ухмыльнулся. – Влипpli ребятки! Думали поймать треску, а напоролись на

акулу! (Пер. И. Шрайбера).

Между словами, входящими в сравнительную конструкцию, смыслового, а также стилистического несоответствия здесь нет, но читатель, знающий из содержания романа отношение автора к положению вещей, не может воспринимать данное сравнение иначе как ироническое.

Таким образом, наши наблюдения позволяют заключить, что на рубеже конца XX и начала XXI веков под влиянием антропологической и когнитивной лингвистики появляется насущная необходимость расширения границ лингвистического исследования, поскольку при декодировании текстов требуется не только знание языка, но и наличие дополнительных знаний о мире в целом, о социальном и культурном контексте, а также хранящейся в памяти различной фоновой информации. Наиболее отчетливо это проявляется при интерпретации иронически переосмысленных единиц текста.

Ведущая роль в создании имплицитных смыслов отводится лексико-семантическим средствам, возможности которых чрезвычайно разнообразны. Образование иронических смыслов происходит за счет особой организации языковых средств, как в структуре повествования самого автора, так и в репликах его персонажей с помощью различных стилистических приемов, затрагивающих различные уровни языка (слово, словосочетание, предложение, сверхфразовое единство) и формирующих специфику адресатного плана текста [8].

Богатая палитра образных средств, используемых Э.М. Ремарком в художественных текстах романов, позволяет не только глубже проникнуть в замысел писателя, разглядеть его насмешку и выявить ее объект, но способствует более полному раскрытию характеров, явлений, идей.

Примечания:

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М., 2004.

2. Крысин Л.П. Ирония // Толковый словарь иноязычных слов. М., 2003. 944 с.
3. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М., 1977. 332 с.
4. Салихова Н.К. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема иронии: автореф. дис. канд. ... филол. наук. М., 1976. 184 с.
5. Цепордей О.В. Ирония как категория художественного текста (на материале языка романов Э.М. Ремарка и их переводов на русский язык) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2008. Вып. 10. С. 95-99.
6. Буянова Л.Ю., Нечай Ю.П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография. М., 2016. 232 с.
7. Sandig Barbara. Stilistik der deutschen Sprache. Berlin; New York: de Gruyter, 1986. 368 S.
8. Олейник М.А. Адресатный план и динамическая языковая картина мира: монография. СПб.; Краснодар: Филологический факультет СПбГУ: Кубанский государственный университет, 2006. 164 с.

References:

1. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. in 4 v., V. 4 – M., 2004.
2. Krysin L.P. Irony // Explanatory dictionary of foreign words. – M., 2003. – 944 pp.
3. Galperin I.R. Stylistics of the English language. – M., 1977. – 332 pp.
4. Salikhova N.K. Linguistic nature and functional features of ironical stylistic devices. Diss. abstract for the Cand. of Philology degree. – M., 1976. – 184 pp.
5. Tsepordey O.V. Irony as a category of a fiction text (based on E.M. Remarque's novels and their translations into Russian) // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2008. Iss. 10. – P. 95-99.
6. Buyanova L. Yu., Nechay Yu.P. Emotivity and emotiogenity of the language: explication and conceptualization mechanisms: a monograph. – M., 2016. – 232 pp.
7. Sandig B. Stylistics of the German language. – Berlin; New York: Gruyter, 1986. – 368 P.
8. Oleynik M.A. Targeted plan and dynamic language picture of the world: a monograph. SPb.: SPbSU Faculty of Philology; Krasnodar: Kuban State University, 2006. – 164 pp.